

СЕМАНТИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГЛАГОЛОВ НАМЕРЕННОЙ РЕЧЕВОЙ ДИСКРЕДИТАЦИИ ОБЪЕКТА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Т. М. Тимошилова
Е. Н. Морозова

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
timoshilova@bsu.edu.ru
morozova_e@bsu.edu.ru*

В статье рассматриваются особенности глаголов намеренной речевой дискредитации объекта (*abuse, asperse, backbite, calumniate, defame, denigrate, malign, scandalize, slander, slang*) с учетом историко-этимологических и семантических факторов формирования, развития и существования значений.

Ключевые слова: семантика, глаголы намеренной речевой дискредитации объекта, социальное воздействие, речевой воздействие, морально-психическая порча, психологический вред.

В парадигме современной когнитивной науки и когнитивной лингвистики язык рассматривается как «СРЕДСТВО ДОСТУПА к мыслительной, ментальной, интеллектуальной и ИНТЕРИОРИЗОВАННОЙ (шрифт автора) в голове (мозгу) человека деятельности» [8, с. 8]. При этом следует помнить, что язык представляет собой не только инструмент коммуникации, но является средством категоризации неязыковой действительности [2, с. 11].

Можно утверждать, что в настоящее время экстенсивный этап развития когнитивной лингвистики, заключающийся в накоплении специальных знаний о соотношении сведений о мире и языковых структур, завершается, и, как полагает Е.С. Кубрякова, начинается новый этап, связанный с изучением способов «подачи и распределения» информации [9, с. 29], как в статическом, так и в динамическом аспектах речемыслительной деятельности.

Настоящая статья посвящена семантико-этимологическому анализу глаголов *abuse, asperse, backbite, calumniate, defame, denigrate, malign, scandalize, slander, slang*, занимающих в семантическом поле говорения сегмент негативного воздействия на репутацию объекта высказывания «оскорблять, ругать, злословить, сплетничать, порочить, позорить, клеветать».

Интерес к изучению глагольного значения в рамках лингвистики подтверждается существованием огромного количества работ, посвященных как изучению одного/нескольких глаголов, так и более объемной группы глаголов. Предлагаются также разнообразные подходы к классификации глаголов.

В настоящее время в работах многих авторов четко вырисовывается положение о том, что глагол имеет статус главного смыслового «выразителя» в предложении, т. е. глагол выступает «как семантическое ядро в предложении» [1, с. 9].

Через конкретизаторы глаголов речи передается информация о взаимодействии и взаимоотношениях коммуникантов: *говорить* – «сказать что-то лестное, ласковое, искреннее» и т. д. В таком случае интенциональность включает такие речевые действия, как утешение, поддержка, одобрение или стремление унизить, оскорбить кого-либо, которые однозначно манифестируются соответствующими глаголами.

Английские глаголы речи обладают универсальной сочетаемостью с наречиями психофизиологического состояния: в конкретизаторах выражается состояние грусти, радость субъекта речи, недовольство, возмущение, озлобленность и т. д. Однако и без детерминирующих компонентов эти глаголы однозначно вербализуют такие состояния.

Традиционно глагол рассматривался как слово, обозначающее действие, состояние, процесс. С другой стороны, акцент ставится на глагол, как единицу, описывающую событие или ситуацию с участниками, т.е. глаголу приписывается способность передавать со-

бытие в его пропозициональной форме [4, с. 16]. Глагол способен не только номинировать тип действия, но и охватывать всю ситуацию целиком, учитывая многообразие ее участников [4].

Интерес к рассмотрению глагольных лексем, имеющих в своей семантике значение «портить, испортить», обусловлен тем, что они составляют большую часть всех лексических единиц не только в современном русском, но и в современном английском языке. Невозможно представить себе современное общество, находящееся в постоянном развитии, без таких понятий, (процессов) как деструкция, деформация, уничтожение, абберрация, нанесение вреда и т. д.

В. Г. Руделев, определяя место глагола в системе частей речи, относит его к «самой развитой и самой информационной категории, по образцу и только по образцу которой формируют высказывания другие части речи... Глагол и есть тот необходимый элемент, без которого невозможна речь» [13, с. 19 – 20].

Исследуемые глаголы с семантикой намеренной речевой дискредитации имеют в своем основании указание на отклонения от нормы и образуют массивный пласт глагольной лексики с общим семантическим компонентом «портить, испортить». Н. Д. Аругюнова отмечает, что человек воспринимает мир избирательно и прежде всего замечает аномальные явления [2, с. 76]. Норма «создана для того, чтобы ее нарушать».

Данные лексемы иллюстрируют действие порчи как целенаправленное/нецеленаправленное (намеренное или случайное) *действие*, обращенное на человека, результатом которого обязательно будет *вред*, сущность которого заключается в нарушении физических или психических функций человека, и *процесс*, в котором человек (под влиянием внешних или внутренних условий) подвергается негативному воздействию. Интенциональность является основным компонентом речевой деятельности. В речевом акте говорящий осуществляет свое намерение произвести неречевой эффект на адресата речи: воздействие на собеседника – обязательный признак коммуникации. Интенциональный аспект речевой деятельности предполагает реализацию разных видов речевых действий и выражает разные намерения субъекта речи.

Другими словами рассматриваемые лексемы можно отнести к следующим разновидностям порчи, включающим такие параметры как: 1) *целенаправленность / нецеленаправленность действия*: намеренная/ненамеренная порча, случайная порча, злоумышленная порча; 2) *спектр проявления (или степень выраженности)*: видимая/невидимая порча, внешняя/внутренняя порча, естественная порча; 3) *характер воздействия на объект*: материальная порча (порча имущественная, физическая порча) и нематериальная порча («моральная» порча, «политическая» порча, «психическая» порча); 4) *способ воздействия на объект*: нейролингвистическая (вербальное/невербальное воздействие, гипноз, внушение и т. д.), концептуально-мировоззренческая (религиозная, родительская установка).

Безусловно, следствием намеренного вербального воздействия с целью дискредитации человека является психологический вред. Е. Н. Волков употребляет понятия «*психологический ущерб*» и «*психологический вред*» как тождественные и понимает данные явления как «последствия *социально-психологического воздействия* одних людей на других» [4, с. 87]. Психологический вред характеризуется отрицательными эмоциональными переживаниями человека. Часто это последствия унижения чести и достоинства человека, либо это угрозы, запугивания, шантаж, которые могут выражаться в особых психических переживаниях или страданиях человека (нанесение вреда работе, здоровью, репутации, семейному положению, материальному благополучию и т. д.).

В речевой деятельности выражается субъектное содержание речи, которое тесно связано с эмоциональной оценкой. Глаголы речи выступают не только в качестве орудия, служащего для передачи мысли, но и в качестве средства выражения чувств, эмоций, индивидуальных оценок и различных интенций, реализуя эмоционально-оценочную функцию языка.

По мнению С. А. Колосова, очень важно осознавать значимость эмоционально-оценочного аспекта (аффективной составляющей) при исследовании языкового континуума, поскольку человек воспринимает и перерабатывает опыт при наличии конкретного

эмоционально-оценочного отношения к этому опыту. И в то же время «для того, чтобы оценить объект, человек должен «пропустить» его через себя» [9, с. 31; 2, с. 181].

Эмоционально-оценочная функция языка обусловлена ориентацией речевой деятельности на адресата, стремлением говорящего передать оценку сообщаемого и воздействовать на собеседника. Автор речи не может индифферентно относиться к сообщаемому. Он не просто что-то объективно констатирует или о чем-то безучастно повествует, а преподносит все со своей точки зрения, обнаруживая участие своего «я» во всем, о чем он говорит. Субъект речи дает оценку окружающему миру – объектам, действиям, поступкам, речи, условиям, образу жизни, чертам характера, внешности, физическим данным и т. п. Непосредственная причина эмоций – интеллектуальная оценка положения вещей как вероятного или неожиданного, желательного или нежелательного для субъекта.

Социальное воздействие, в понимании Л. И. Геращенко, является целенаправленной деятельностью различных субъектов социальной структуры, вызывающей в качестве результата качественные изменения как в структуре личности, ее социобиологических характеристик, так и в условиях ее жизнедеятельности [5, с. 14].

Воздействие может быть индивидуальное/общественное, прямое/опосредованное, принужденное/вознаграждающее, негативное/позитивное, этическое, психологическое и т. д. Воздействие осуществляется в рамках межличностного взаимодействия и, как правило, строится на личностных характеристиках воздействующего субъекта. В качестве арсенала средств воздействия (влияния) могут быть интеллект воздействующего, профессиональная компетентность, статус психологической подготовки, обладание властью.

Речевое воздействие, как частный случай социального воздействия, в широком смысле, – «это произвольное или непроизвольное воздействие субъекта на реципиента в процессе речевого общения в устной и письменной формах, которое определяется сознательными и бессознательными интенциями субъекта, целями коммуникации, пресуппозициями и конкретной знаковой ситуацией» [13, с. 23].

Вред, с одной стороны, является заключительным элементом речевого воздействия, в котором воплощаются объективные и субъективные свойства деятельности и черты производящей это воздействие личности. С другой стороны, вред выражается в отрицательных изменениях, которые происходят в сознании и поведении человека и могут существовать долгое время после окончания негативного вербального воздействия.

Так или иначе, глагольные лексемы с общим значением нанесения вреда путем намеренной вербальной дискредитации следует рассматривать через призму этических понятий. Таким образом, с *этических* позиций вред квалифицируется как ненормативное и нравственно-отрицательное явление.

По справедливому замечанию И. В. Чекулая, совершенно не важно, совершаются ли действия в результате волевых усилий субъекта или без учета его воли. Важно то, что «субъект предпринимает определенный род деятельности, исходя из своих или навязанных ему извне *стимулов*. Это в определенной мере относится и к целям, поскольку цель деятельности может быть *осознанной* и *неосознанной* [14, с. 97].

Если представить нанесение вреда с целью дискредитации как целенаправленную деятельность, то мы имеем следующий алгоритм нанесения вреда: лицо, исходя из своих рациональных или волевых побуждений, *стимулов*, хочет сделать кому-то плохо, т. е. он имеет *интерес* (возможно потребность, желание) к выполнению определенной деятельности. Для этого он выбирает *средства*: обидеть, оскорбить (слово – средство). После реализуется *алгоритм* нанесения вреда – выбор объекта воздействия, разработка плана. СРЕДСТВА можно определить как ИНСТРУМЕНТ, а алгоритм как ВОЗДЕЙСТВИЕ. РЕЗУЛЬТАТОМ будет ВРЕД, который может быть положительным для субъекта деятельности, но отрицательным для объекта, и наоборот [14].

Глагольные лексемы *abuse, asperse, backbite, calumniate, defame, denigrate, malign, scandalize, slander, slang* могут рассматриваться как лексемы-репрезентанты концептуальной области морально-психическая порча, входящая в более общую концептуальную область нематериальная порча и представленная концептами Угнетение, Оскорбление, Негативное Влияние, Чрезмерная Опека, Осквернение и др.

Под *морально-психической порчей* мы понимаем негативное концептуально-мировоззренческое воздействие на одушевленный объект, в результате которого происходит изменение характера, поведения и т. д. в худшую сторону.

Данная группа с интегральным значением «клевета» близка к разряду глаголов с интегральным признаком «сплетничать», но если сплетни и могут принести вред человеку, то клевета практически убивает человека, лишает его занимаемого положения, авторитета, устойчивости и невосприимчивости к наговорам.

Лексема *to slang* «обругать» обладает более мягким значением в сравнении с *to abuse* «оскорблять, ругать», поскольку при употреблении *to abuse* затрагивается честь адресата, его имя и репутация. Далее следует глагольное наименование *to scandalize* «злословить, сплетничать», которое является своеобразным мостиком к синонимическому гнезду глаголов *to asperse* «позорить, клеветать» (процесс клеветы всегда связан с позором, с неприятными чувствами, негативным отношением субъекта к объекту), *to backbite* «злословить за спиной, клеветать» (данное действие никогда не происходит открыто, оно совершается за спиной объекта, обо всем он узнает самым последним, по поверьям древних, все, что находится сзади вне Центра, является Хаосом, символом зла и нечистой силы (версия М.М.Маковского), *to calumniate* «клеветать, порочить», «говорить неправду, которая способна причинить большой вред человеку», *to defame* «клеветать, порочить, позорить», *to denigrate* «клеветать, порочить», *to malign* «клеветать, злословить», «говорить, произносить злое слово», *to slander* «клеветать, порочить», объединенных интегральным значением «клевета» [11].

Глаголы намеренной речевой дискредитации объекта характеризуются следующими историко-этимологическими показателями:

1. To abuse. Глагол обладает значением «оскорблять; ругать; поносить, бесчестить» [ERD: 18]; «misuse, make bad use of; deceive; maltreat; revile» [15, с. 7]. Датирован XV в. В английский проникает из др.фран. в форме *abus*. По этимологическим источникам произведен от латинской приставки *ab* и корня *ūtī* [18, с. 6]. Этот корень восходит к латинскому глаголу *ūtor* «высказывать, обнаруживать; общаться, обращаться» [14, с. 801].

2. To asperse. Глагол имеет значение «позорить, чернить, клеветать» [16, с. 50]; «besprinkle (with); bespatter (person, character, with damaging reports); calumniate» [15, с. 67]. Засвидетельствован в XV в. Он восходит к производному латинскому глаголу *ad + spargere* [18, с. 55]. Бесприставочный глагол имел переносное значение «распространять слух» [14, с. 719], которое в английский язык видимо и было трансформировано в значении «позорить, чернить».

3. To backbite. Значение глагола дефинируется как «злословить за спиной, клеветать» [16, с. 58]. По данным этимологических источников глагол датируется XII в. Он заимствован из ср.швед., где образован двумя корнями *back* «спина» и *bīta* «кусаться» [18, с. 68]. Метафорический перенос и явился источником развития глагола современного английского языка.

4. To calumniate. Данная лексема обладает значением «клеветать; оговаривать; порочить» [16, с. 111]; «slander» [15, с. 168]. Глагол явился прямым заимствованием из латыни и датирован XVI в. В его основе лежит латинский глагол *calumniārī* «клеветать, ябедничать, порочить, злонамеренно перетолковывать» [14, с. 115], [18, с. 138].

5. To defame. Глагол имеет значение «поносить, клеветать, порочить; позорить» [16, с. 197]; «attackthegoodfameof, speakillof» [15, с. 312]. Глагол датируется XIV в. в форме *diffame, defame*. Наличие этих двух форм обусловило существование двух значений. При этом первая форма восходит к латинскому глаголу *diffamare* «обесславить, лишить доброго имени, опорочить» [14, с. 249], а вторая – к *defāmāre* «порочить, позорить» [14, с. 227], [18, с. 250].

6. To denigrate. Глагол обладает значением *редк.* «чернить, клеветать, порочить» [16, с. 201]; «blacken; defame» [15, с. 320]. В английском языке зафиксирован в XVI в. и возводится к латинскому *dēnigrāre* с переносным значением «чернить, поносить» [14, с. 235]. Латинский глагол конституирован приставкой *de* с указанием на негативную коннотацию или усиление степени и корнем *niger* «черный, темный» [18, с. 256, 246]. Окончание латинского глагола *ate* согласуется с регулярностью адаптивной модификации при заимствовании латинских глаголов на *āre* [18, с. 59].

7. To malign. Словарные материалы определяют значение глагола как «клеветать, позорить» [16, с.453]; «speakillof, slander» [15, с. 723]. Датируется XV в., в XVI в. развивает значение «завидовать», значение «клеветать, позорить» приобретает в XVII в. Глагол заимствован через др.фран. *malignier* или позд.лат. *malignāre*. В любом случае в основе глагола усматривается латинский этимон *malignāre* «злоумышлять на кого–либо» [14, с. 468; 18, с. 548].

8. To scandalize. Значение глагола определяется как «злословить, сплетничать; возмущать, шокировать» [16, с. 57]; «offend moral feelings, sense of propriety, or ideas of etiquette, of shock» [15, с. 1103]; *slander*– «клеветать, порочить репутацию» [16, с. 691]; «utter slander about, defame falsely» [15, с. 1178]. Первый глагол датирован XV в. со значением «устраивать публичный скандал». В разряд глаголов говорения переходит в XVI в. со значением «злословить, сплетничать» [18, с. 794]. Глагол заимствован из латыни *scandalizāre* «вводить в соблазн дурным примером, возмущать» [14, с. 689]. Внутриязыковым когнатом глагола *scandalize* является *slander*. Он датирован XIII в. и восходит к др.фран. форме *eslendre*, которая изменилась в *escandle* [18, с. 833].

9. To slang. Глагол имеет значение *разг.* «обругать» [16, с. 691]; «use abusive language to» [15, с. 1178]. По данным лексикографических материалов глагол входит в разряд автохтонной лексики [17, с. 1644]. В английском языке он датируется XVIII в. со значением «обругать». Единственной межъязыковой параллелью является норвеж. диалект *slengeord* «оскорбления» [18, с. 833].

Исследование этимологических характеристик конститuentов разряда глаголов намеренной речевой дискредитации позволяет сделать следующие обобщения.

Существующие лексикографические материалы дают возможность достаточно точно определить относительное лингвистическое время возникновения глаголов данного разряда, однако этимологические источники английского языка могут быть подвергнуты критике по причине недостатков в словарных дефинициях и слабом учете данных других германских языков.

Тем не менее, исследование позволило определить основные параметры исторического формирования глаголов намеренной речевой дискредитации, входящих в поле говорения.

Для них XVI в. оказался самым продуктивным по введению лексических единиц (3), за ним следуют XII, XV вв. (по две лексемы), а вот XIV, XVII и XVIII вв. дали по одной лексической единице. Все они имеют романское происхождение, исключая одно заимствование и одну автохтонную лексему. Видимо, основную роль сыграл в этом экстралингвистический фактор, обусловивший тесный контакт двух языковых сред. Всплеск расширения состава глаголов говорения в шестнадцатом веке, без всякого сомнения, связан с совершенствованием выделения дискретных представлений о речевой деятельности и развитием языковых контактов, в первую очередь с адаптацией романских заимствований.

Не оставляет сомнения тот факт, что сущность негативного воздействия с целью нанесения вреда объекту сохраняется и до настоящего времени, а широкое употребление данных лексем подтверждает наличие деструктивного компонента современного общества.

В функционировании глаголов речи активно проявляются все функции языка – номинативная, интерпретирующая, когнитивная, коннотативная и коммуникативная. Функции речевой деятельности и функции языка, на которые ориентированы глаголы речи, определяют их сложную структуру значения, отражающую все аспекты конкретизации глобального концепта «говорить». Широкий функционально-когнитивный потенциал глаголов речи обусловлен тем, что в них переплетаются и взаимодействуют функции языка и функции речевой деятельности. Информативный, субъективный, интенциональный аспекты речи проявляются как языковые универсалии.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл: логико-семант. пробл. / Н. Д. Арутюнова. – 4-е изд., стер. – М. : URSS : Едиториал УРСС, 2005. – 384 с.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – М. : Яз. рус. культуры, 1999. – 896 с.

3. Болдырев Н. Н. Теоретическое моделирование процессов функциональной категоризации глагола: Кол. моногр. / Под общ. ред. Н.Н. Болдырева. – Тамбов : Изд-во Тамб. ун-та, 2000. – 172 с.
4. Волков Е. Н. Критерии и признаки психологического ущерба и психологического насилия [Электронный ресурс] / Е. Н. Волков // Вестник Нижегородского университета. Сер. Социальные науки. – 2002. – Вып. 1. – С. 84 – 95. – Режим доступа: http://www.unn.ru/e-library/vestnik_soc.html?anum=1272.
5. Геращенко Л. И. Социальное воздействие на биопотенциал чело-века: факторы, проблемы, решения : автореф. дис. ... д-ра социол. наук : 22.00.01 / Л. И. Геращенко ; С.-Петерб. гос. ун-т. – СПб., 2005. – 33 с.
6. Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка / Е. С. Кубрякова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2009. – № 1. – С. 5 – 12.
7. Кубрякова Е. С. Что может дать когнитивная лингвистика исследованию сознания и разума человека / Е. С. Кубрякова // Международный конгресс по когнитивной лингвистике = International congress on cognitive linguistics, Тамбов, 26-28 сент. 2006 г. : сб. материалов / Тамбов. гос. ун-т; отв. ред. Н. Н. Болдырев. – Тамбов, 2006. – С. 26 – 31.
8. Колосов С. А. Концепт как объект исследования в лингвистике / С. А. Колосов // Языковые подсистемы: стабильность и динамика : сб. науч. тр. / Тверской гос. ун-т; отв. ред. Н. Л. Галева. – Тверь, 2002. – С. 28 – 33.
9. Лапшина М. Н. Семантическая эволюция английского слова: изучение лексики в когнитивном аспекте / М. Н. Лапшина. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1998. – 159 с.
10. Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов. – М.: «Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС», 1996. – 416 с.
11. Руделев В. Г. Существительное в русском языке : учеб. пособие / В. Г. Руделев ; Тамбов. гос. пед. ин-т. – Тамбов : Изд-во ТГПИ, 1979. – 74 с.
12. Шелестюк, Е. В. Речевое воздействие: онтология и таксономия / Е. В. Шелестюк // Вопросы когнитивной лингвистики / Тамбов. гос. ун-т. – 2007 – № 1. – С. 23-30.
13. Чекулай И. В. Функционально-деятельностный подход к изучению принципов оценочной категоризации в современном английском языке / И. В. Чекулай ; науч. ред. В. К. Харченко. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2006. – 236 с.
14. Латинско-русский словарь / Сост. А.М.Малинин / около 20000 слов. – М.: Гос. Издат. иностранных и национальных словарей, 1952. – 763 с. (ЛРС)
15. The Consise Oxford Dictionary of Current English / edited by H.W.Fowler and F. G. Fowler. – Oxford University Press, 1956. – 1536 p. (COD).
16. English-Russian Dictionary V. K. Muller. – М.: Russian Language Publishers, 1978. – 888 p. (ERD).
17. Etymologisches Wörterbuch des Deutschen / Leit.W.Pfeifer. – Berlin: Akademie-Verlag, 1989. – Bd.1-3. – 1662 S. (EWD).
18. The Oxford Dictionary of English Etymology / edited by C.T.Onions. – Oxford, 1966. – 1026 p. (ODEE).

THE SEMANTIC AND ETYMOLOGICAL PECULIARITIES OF THE VERBS OF INTENTIONAL VERBAL DISCREDITING OF THE OBJECT (IN THE ENGLISH LANGUAGE)

**T. M. Timoshilova
E. N. Morozova**

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
timoshilova@bsu.edu.ru
morozova_e@bsu.edu.ru*

The article deals with the semantic analysis of the verbs of intentional verbal discrediting of the object (abuse, asperse, backbite, calumniate, defame, denigrate, malign, scandalize, slander, slang) in the perspective of semantics, as well as etymology.

Keywords: semantics, verbs of intentional verbal discrediting of the object, social impact, linguistic manipulation, moral and psychological harm.